

Мария Головановская

Разговор

-- Вы хорошо сделали, что пришли. Давайте пальто. Хотите тапочки? У нас жарко. Пол немыт. Можно и не снимать. Делайте, как вам удобнее. Может быть, повесить ваше пальто на плечики? Уверены? Как хотите. Я думаю, мы посидим на кухне. Там уютнее и никто не помешает. Проходите. Вы хорошо сделали, что пришли. Нет, нет, садитесь сюда, в уголок. Я поставлю чайник. Берите вот печенье, конфеты. Хотите бутерброд? Я могу сварить вам яйцо, если вы голодны. Мой дедушка по материнской линии каждое утро съедал три яйца в мешочек. Дожил до восьмидесяти пяти лет. Как-то приходит к нему врач и говорит: «Яиц больше не ешьте, тяжелая пища». А дедушка ей в ответ: «Я до восьмидесяти лет дожил с этой тяжелой пищей, так и еще поживу, сколь мне там осталось». В классе у нас тоже был мальчик, который мог сколько угодно вареных яиц съесть. Тарелку с крутыми яйцами ставили на середину стола, кто брал одно, кто – два, а он – пять. Он засовывал крутые яйца в рот целиком, не откусывая, и многие девчонки отворачивались, когда он это делал, так как не любили крутых яиц и в особенности их запаха. Их тошнило от него.

Дедушка умер через пять лет и совсем не от яиц в мешочек.

Бабушка осталась одна среди своих подружек, тоже вдов, их мужья умерли намного раньше, их вдовья кампания тоже постепенно таяла, они ходили друг к другу на чай, не часто – в хорошую погоду... Бабушка любила устраивать красивый чай, чашки костяного фарфора, хрустальная вазочка с рубиновым вареньем, на трех массивных толстеньких ножках -- раньше, при душе, все это доставалось только на дни рождения.

Они говорили о болях, о болезнях, о смерти близких и неблизких людей. Нас они никогда не слышали, словно не надеясь услышать от нас ничего важного. Со временем мы и сами перестали слышать их. Когда бабушка умерла, мы не знали, куда девать ее вещи. С драгоценностями, посудой и продуктами проблем не было: мы быстро доели и сметану и бабушкино масло, Сашки поставили в горку, но куда мебель девать – ума не могли приложить. Вещи ее еще долго пылились потом на антресолях, никто не брался выбрасывать ее. Что-то раздали знакомым. Кровать, по-моему, друзья забрали на дачу и два полуразвалившихся кресла, в которых по очереди любила сидеть бабушка.

Наволочку, набитую фотографиями, так до сих пор и не разобрали. Я все говорю своим – надо бы сделать семейный альбом, все-таки приятно иногда полистать, показать гостям. Хотя в этой наволочке масса неизвестных лиц, групповых снимков с нежными дарственными надписями, и никто уже не сможет выяснить, кто на них запечатлен. Рука не поднимается выбросить. Надо бы, конечно.

Вот так и живем. Так и ходим на работу каждый день, ездим на одних и тех же троллейбусах по двадцать лет, зная в лицо и водителя и пассажиров. Вообще-то не очень интересно жить, всех зная в лицо. Но если появляется кто-то новый – это сразу заметно. Не в автобусе, так в булочной. Исчезает один, появляется другой. Либо меняются местами. Жители заводят новых собак, летом многие уезжают на дачи, а на их место заступают приезжие, кто в музей, кто в театр. Но в субботу, воскресенье – в городе пусто, только горячий ветер несет вонючие рыбные хребты, пустые банки-коробки с одной помойки на другую... Воздуха мало. Там

проспект, здесь проспект. Рев, гарь, копоть. До чего же все-таки иногда мужчины любят вульгарных женщин. Не сразу, конечно Я знаю, вы и сами об этом думали. Я имею в виду, ну вот в школе, например, все влюбляются вначале в какую-нибудь бестелесную Свету, замечали? С прозрачными глазами, малохольную, ходят за ней табуном, потеют от напряжения, на кого постырит, с кем заговорит? А она страдает головными болями, кровь у нее по утрам носом частенько идет от слабости, но это все пока не появится первая практиканточка или вожатая, полногрудая, с намазанными губами.

Тогда все они – начинает, конечно, самый наглый и шпанистый, тут «здрасьте» сказал отвязно, тут после уроков подождал – встрескиваются в нее как один, и пошло-поехало! Этот возьмет под локоток, другие сверлят по ночам темноту воспаленным взглядом, замышляя будущие свои подвиги. А этот, шпанистый, уже и пари выиграл, и в щечку чмокнул, и взгляд, полный неизбывной нежности получил. Остальные-то салажата учителям грубят, на родителей огрызаются, женятся потом на рыженьких тихонях, если не пырнут кого по дороге. Сами то при возможности норовят к грудастым на побывку, которые после пышных объятий пошептывают « Твоя жена ангел и готовит хорошо, но как она тебя, соколика, не понимает!».

А тихони по вечерам рванье штопают, гнилую капусту в суп крошат, носы вытирают заморышам, чистеньким, сероглазым, длинношеим, получают гвоздики в женский день, летом у них грядки – горячее солнышко припекает их обтянутые синими трениками зады, набранными на хлебе и сосисках, они и не вспоминают, что должна быть Мечта, что она должна освещать путь, куда-то звать... Родственнички к ним приезжают из провинции, у которых и огороды свои есть, с трехлитровыми банками на обмен где корчат замысловатые рожки невероятные огурчики-помидорчики. Родственники всегда упрекают, мол забыли нас совсем, а эти сидят с кислыми рожами, дни считают, когда они, наконец завяжут свои мешки и торбы и уберутся во-свосяи.

Собаку мы завели. Сначала все радовались, думали, но вот, хорошо, будем по вечерам всей семьей с ней гулять. А теперь только я как заводная хожу с ней и утром и вечером, собака разжирела, в доме от нее шерсть одна да вонь.

Боли меня мучат, вот что. Не знаю, что, почему. Иногда по ночам, иногда на рассвете. Сильно так. ТО кольнет, то зарежет. То тупо так тыкает под бока. Притаюсь под одеялом, еле дыхну – отпускает, чуть шевельнусь – опять. Караулит меня. А к врачу идти – страшно, что скажет, куда потом деться? Я иногда ночью встану, пойду на кухню водички попить. Ледяной, из-под крана. Вроде легче делается. Не знаю, что будет.

Сантехник к нам приходил. Мы и не звали его. Огромный мужик, вонючий. Рожа красная, пальцы белые от воды. Пошел в ванную. Бил ключами по трубам, воду спускал в унитазе. Потом вышел, ни слова ни сказал, что было, то починил. Денег не взял. Ушел. Наследил. Может, это он и написал на меня? Скажите, он написал? Только он-то ничего видеть не мог. У него ножищи огромные были и шея бычья. Скажите, он написал? Моих-то уже три дня нет. Спят они. Уехали. Вы ведь говорили с ними вчера? Я только за дверь, а вы – шмыг к ним. Но я-то дома была. Вы приходили?

Подружка у меня есть одна. Сама живет. Неряха страшная. Утром встает босая, плетется на

кухню, отхлебывает из чашки вчерашний чай. Ест на ходу. Я у нее сплю иногда. В ванной зеркало все заплевано, умывальник невымытый. Роду кремами разными мажет, а сама чучело чучелом. Вечером придет домой, поест, посуду не вымоет, телевизор смотрит. Весь вечер, допоздна, все подряд. Говорит: «Я себе одной готовить не буду». На бутербродах живет. Я иногда прихожу к ней, все на кухне мою. Привычка такая, как вижу грязное, сразу мою. Меня мама с детства к этому приучила. За уроки не садилась, пока все не вымою. Щеткой тру или тряпкой. Я люблю теплую воду. Иногда открою кран, подставлю руки и стою так. Могу часами стоять, если мои меня во время не оттащат. Утром, когда все уйдут, вытру тряпкой подоконник, полью цветы и смотрю. Напротив тоже одна есть, все стоит у окна часами смотрит и смотрит. Иногда и вечером. Свет в комнате зажжет и стоит. У них два окна сюда выходят, а два на ту сторону. А вчера ведь не вы приходили. Да? Не вы? Другой приходил. Расспрашивал меня.

Позавчера племянник мой цыпляточек принес. Тощие такие, синие. Ну, я им головы пообтрубала, лапы отрезала, помыла, пух опалила. Сморд дома стоял, мои этого не выносят совсем. Думаю, нужно сварить их. И суп и второе будет. Бульон куриный вермишелькой заварить или еще чем.. С клецками можно. Только вдруг лифт за стеной шевельнулся. А то спал все. Бах! И заскрипел, заохал, зарыдал прямо. А потом – шаги наверху. Потом окно хлопнуло. Яна улицу побежала – лежит сосед. Я суп на плите оставила. Прихожу, а мои уж и съели его. Ничего мне, сволочи, не оставили. А потом спать легли и уехали. Но я не обижаюсь на них. Они это не со зла. Зимой они всегда такими делаются. Когда снег идет или вьюга воеет. Они у меня снега не выносят. Уходят, ложатся спать.

Вчерашний все расспрашивал о соседях. А что о них скажешь? В моем возрасте новых друзей-то уже не заводят. Вы сами подумайте, с новым человеком разговоры вести про то про се, по телефону звонить, ему, может совсем и не хочется этого. Мне мои родители и не разрешали, дружить с кем попало. Однажды история была: мне мальчик один понравился. Папа увидел, что он курит в парадном и на пол сплевывает, приходит домой и говорит: «Чтобы я больше тебя с ним не видел». Я тогда плакала очень. Так о соседях. Справа мужик живет. Одинокий. У него одежда вся какая-то старая, замасленная. Небось, рубашку поносит, а потом на стул вешает, другую берет, а потом ее тоже поносит, а потом опять за первую принимается. Проветривает одежду, не стирает. Идет, бывало, вечером домой, понурый, бедняга, согнутый, авоську прямо по земле тащит. В авоське-то всегда одно и тоже у него. А вот что – сказать не могу, это его дело, хотите знать – у него и спрашивайте.

Парень у меня был в конце школы, красивый. Только наглый очень. Иногда находило на него, хватал при всех за грудь, мне больно, я реву а он хохочет-заливается. Потом всегда меня до дома провожал, а потом замуж я вышла. Это все в том же районе. Борщ варила, суп вермишелевый, всякое было. Мои овощей сырых ну никаких не ели, хоть убейся. И вареные – только в супе. Я им все – есть надо овощи. И витамины, и для кишечника хорошо, а они молчат, улыбаются и не едят. Соседку мою слева черти унесли. Дня три тому как. Я как пришла из магазина, сразу к ней, мол в магазине есть то-то, то-то и то-то, беги, давай. Подхожу к двери, звонить собираюсь. Смотрю, а половик резиновый такой, черный весь изрезан и исцарапан. Думаю, ну дела... Кто ж это постарался? Звоню. Долго звоню. Никто не открывает. Слышу шевеленье за дверью. Думаю, надо стучать. Размахнулась, да как шархнула по двери, они и распахнулись. Смотрю, под вешалкой три железных крюка стоят,

кривые, страшные, ужас. А на кухне три черта и моя соседка чаевничают. Соседушка ни жива ни мертва чай пьет. Черты все-таки противные очень. Хвосты облезлые, в язвах каких-то, брррр. Один как увидел, что я хвост его разглядываю, застеснялся, под табурет спрятал. Ноги собачьи, все в яблоках, руки пятипалые, ногти толстые, черные. Как меня они увидели, так один и говорит: «Все! Нельзя нам больше здесь рассиживаться, пора тащить ее!» Схватили крюки, повалили ее и тащат. Она кричать хочет, ан – нет! Не получается ни черта! Так и уволокли. Я быстро домой. Деньги пересчитала. Смотрю, мои спят. Ну и я легла. На следующий день встречаю ее – откупились, говорит. Наверху врач живет. Мы, если что, к ней обращаемся. Хорошая она, только толстеет очень. Железки пощупает, язык посмотрит, «Гимнастику делаешь?», -- спрашивает. «Делаю!», -- говорю, «Ну, ясно», -- говорит «или себе». Я ухожу, а к вечеру уже все.

Мы с мужем как поженились, каждые субботу-воскресенье ходили в лет гулять. Оденемся потеплее, в термос кофе наливаем, гуляем там, разговариваем. Народу по воскресеньям в лесу много, детей, собак. Погуляли так с месяц, а потом муж мой мне и говорит: «Иди, работай». Я пошла. Ну, вы сами знаете, люди-то на работе разные бывают, те уходят, те приходят, некоторые всю жизнь на одном месте работают. Ну, я и простудилась. Тогда наверху еще портниха, точнее врачиха не жила. Лежу, болею я, а мой муж на меня и не смотрит. Не смотрел, не смотрел, а потом взял и ушел. А потом и спать лег. Так за ним и все остальные делать стали. Поэтому я с тех пор все больше на кухне сижу, чтобы им не мешать. Они – там, я здесь, каждый своими делами занят, никто никому не мешает.

И у врачихи муж. Она сначала, как сюда переехала, одна была. К соседям ходила на чай. Вот иногда придет ко мне, руки вымоет и садится чай вприкуску пить, мои-то бедные маются, она иногда и до десяти и до одиннадцати сидит. А моим-то назавтра идти! Но потом к ней пришел муж, сначала один, а через год с мальчиком, теперь все по хозяйству старается, слышано ли дело, всех обуть, накормить.

Мама у меня очень строгая была. Не любила, когда у меня мои школьные подружки долго засиживались. Заглянет в комнату, процедит сквозь зубы «Что, все сидите?», да так дверью брякнет, что у меня всякий раз в голове потом грохот. А подружки мои хохочут, им-то что. За тройки меня мама очень наказывала. Форточку откроет, дверь входную распахнет – разорвется. До сих пор боюсь ее. Умерла. Редко приходит.

У меня уже давно суставы начали хрустеть. Смотрю, бывает, в окно, а пальцы хрустят. Мои этого совсем не выдерживают, прибегают, нервничают: «Опять за свое?, -- кричат». Я обижаюсь на них. Так все-таки тоже нельзя. Нужно быть терпимее. Я им говорю: «Так нельзя, дорогие, когда вы хором поете, я же ничего, терплю. Они уходят, поют, потом спать ложатся и уезжают.

А вы с дворником нашим говорили, нет? А зря, между прочим. Он-то во всем и виноват. Сначала у нас студент какой-то дворником был. За комнату. Пьянствовал там по-страшному. Потом девицу привел, а двор не метен, грязь, бумаги, окурки, народ из окон лишнее выбрасывает. Все это и валяется неделями. Мы всем подъездом к нему ходили, уговаривали. Он сказал, что подумает. Думал, думал, тощий такой, долговязый, руки все в шрамах, видать у него кошка до этого была, нос перебитый, синий на переносице, зубы кое как чищены. В

общем, погнали мы его. Еще недели две дворника не было, потом этого нашли. Он мужик веселый, как кого увидит – шутит. Говорит:» Францию любит нельзя, потому что она красивая, но стерва. Мне-то, -- говорит, -- поверьте, я когда диссидентом был, видел». Потом бороду запустил, совсем на черта стал похож. Он еще гручиком в продуктовом нашем подрабатывает. Я тут смотрю, он ящики какие-то разгружает, тем самым крюком подхватывает их и в люк тащит сбрасывать. Приглядываюсь, может у него и хвост есть. Нет, не видать, он его наверное, в штанине прячет. А тогда у соседки голый сидел, в трусах одних. А потом вы посмотрите на него по внимательней, у него рот какой-то сытый, масляный. И глаза как ночь черные Он это. Он. Зря вы ко мне пришли, уходите лучше. Идите вон к врачихиному мужу. Я выхожу вчера вечером их квартиры помойку выбросить, а он сидит на лестничной клетке и ворует. И даже не смотрит на меня. Я иду, он сидит. В клетчатой рубахе и штаниках. Я спрашиваю его: « Ты что же это такое тут делаешь?» Он молчит, делает вид, что не слышал меня. Я подхожу ближе. « Отвечай, -- говорю, -- и в глаза мне смотри!» Молчит. «Вот гад», -- думаю. Пхнула его ногой, а он и упал. Утром выхожу, а он где лежал, там и лежит, врюга.

День рождения у меня был. Ну, мои из комнат повылазили, спят на ходу прямо. Накрыли стол, ветчинки порезали, колбаски сухой, я пирог с курицей испекла, сидим, сморим. У меня еще один день рождения до этого был. В детстве еще. Родители подарки мне подарили, поцеловали, спать легли и ушли. Я одна в квартире осталась. Ну, я ходу по квартире, а никого нету, шкафы пораскрывала, стала мамины платья да папины костюмы примерять. Сосед в дверь звонит, за луковицей пришел. Я за луковицей пошла, а он меня хват и в уголок потащил. Маме наутро рассказываю, так мол и так, она хохочет, говорит в другой раз не будешь мои платья трогать. Я потом этого соседа била, била, расстроил он меня. Он горит, не бей меня больше, я больше не буду. И больше не был. В форточку улетел. Я отвернулась, а он в форточку улетел.

Вы на меня нехорошо смотрите, вот я вам что скажу. Чем я-то виновата? Что мое – то мое, скрывать не буду, но чужого мне не надо. Возраст мой известный, и глаза мои чтоб не смотрели. Чаек-то пейте, остынет он. Вот вы сидите здесь, вопросы мне задаете. Неправильно это. Не по хорошему. Мои-то вроде уже проснулись, приехали. Мне за ними идти пора. Они без меня есть не станут. Слышите, уходите!

Брат у меня родной был. Уехал теперь на заработки. Герой. В книжке могу показать. До трех лет не разговаривал. В детстве его отец с матерью думали, недоразвитый он. А потом, как на даче были, сидел в кровати и вдруг хват и двух змей задушил. Интересный такой, белокурый. Потом как подрос, за гниду принялся. Нету больше гниды в наших краях. И конюшен тоже нету. Потом его девка одна заарканила, люблю говорит, хоть убей. Потом за ней и другие потянулись, хотя он ее и пальцем не тронул. Он никому не отказывал. Ну, людей-то вы небось и сами знаете. Сначала любили, а потом побили. Крепко так. Он две недели пролежал, встал и подумал: « Надо зарабатывать». И унхал. У меня от него двое маленьких осталось. Все из-за этой стервы, которая его в женское платье обряжала и заставляла прясть.

А началось все неделю назад. Ну вы знаете. Вы ведь с этой поры ко мне каждый день ходите,

ни стыда, ни совести. Вчера вот суп мой съели. Вы скажите, зачем вам сдался мой суп??? А мясо пожевали, подевали и назад в кастрюлю сложили! Зачем?! Дождь шел? Снег? Так вот, все началось неделю назад. День мне не понравился. Смотрю, а солнце то отнюдь не достоверное. Прозрачное какое-то. Мои совсем с ума посходили. Проснулись, запели подпол ушли. Ходу, зову их, а они в подполе. Наследили ужасно. Я как пол вымою, они следят. Все говорю им: «Вот пол сами начнете мыть, тогда следить поостережетесь». Думаю, умру я скоро. Совсем умру. Раньше сердца совсем не чувствовала, бывало выбегу утром, пробегусь, курам дам, козам дам, лошади овсеца дам, бегу, а солнце навстречу светит – легко! Сердечко о стенки стучится, выпрыгнуть норовит. А куда я без него. Пока уговариваю: «Погоди маленько, без тебя я никуда». Слушает меня пока. Постучит, постучит, похает и опять затихает. До поры. Сколько там моей поры осталось-то? Умру я. Подышу еще маленько, в окно посмотрю, во двор выйду. Ты суп-то мой зачем поел? Надругаться надо мной захотел? Думаешь, если вымахал дылдой все можно тебе. Я тебе вот что скажу: убогий ты.

Дочь у меня. Рощу. Думаешь, легко-то дочь рОстить? Пока маленькая – то еще ничего. А в школе – страх мучит. С кем поведется? От кого наберется? Особенно я боялась, когда она со старшими дружила. У тебя-то как с дочерью, есть? Старшие мою все время втягивали. Пошущукаются, губы накрасят – и давай! Моя перед ними – козявка. Я ей стала говорить: «Доченька не ходи с ними. Я с тобой давай пойду». Ну она сначала ничего вроде. Потом парни у нее заводятся стали. Такие большие и черные. А моя-то дура краской залетится и молчит! Ей бы разговоры поразговаривать, хотя чего с ними разговаривать – мусор в башке один! Страшно за девочку, страшно. Парни ходили, ходили, а моя от них хохотать начала. А потом на свет полетела и обожглась. Крылья себе опалила, теперь порхать не может. Ходит еле-еле букашечка моя, тихонько так разговаривает... А мои-то ее не признают. Топают на нее. Больно мне это. Как быть? О чем жалеть?

Думала я. Посплю и думаю. Ч совсем мало сплю. Работы по дому много, мыслей. На улицу выхожу –солнце светит, руки, лицо загорают. Чувствую, бесчувственной становлюсь. Душа у меня растет. Как дерево. И ветки и листья у нее есть. И бутоны и цветки. Кожа только на ветвях грубовата. Стою я так, шелестю, а дворник подошел, посмотрел и плюнул только. А тут и вы идете!

Жалко мне себя стало. Плачу я теперь. Постою во дворе, листьями пошевелю, а потом весь вечер плачу. Старость это. Никак не проходит. Так тому видно и быть. Ты знаешь что? Завтра приходи. Устала я с тобой. Мне спать пора, ехать. Придешь завтра? Проходи, ладно? -- Ладно, приду.

Март 1991 года